

УДК 1 (091) (430)

ИМПЕРАТИВ КАК «СЛЕД БЫТИЯ» В СУДЬБЕ ЭМИЛЯ ЛАСКА

М. Я. Мацевич

Белорусский национальный технический университет (г. Минск, Беларусь)
lentsevich@mail.ru

Аннотация. Целью статьи является анализ философии Э. Ласка и особенностей уникального духовного, интеллектуального опыта немецкой, русской философии. Осуществлен систематический анализ значимости творчества Э. Ласка в формировании европейской философской традиции. Показано понимание смысла и назначения войны как философской категории, а также проведен философско-гносеологический мониторинг отношения к данному понятию мыслителей времен Первой мировой. Включение в сферу исследовательского интереса данной проблематики позволило по-новому оценить и показать многоаспектность интерпретации ценностей в современном культурном пространстве.

Ключевые слова: ценности, европейская традиция, русская духовность, война, историцизм, субъективизм, неокантианство, истина, право.

Для цитирования: Мацевич, М. Я. (2024). Императив как «след Бытия» в судьбе Эмиля Ласка. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 2. С.36-44. DOI: 10.47850/RL.2024.5.2.36-44

IMPERATIVE AS A «TRACE OF BEING» IN THE FATE OF EMIL LASK

M. Ya. Matsevich

Belarusian National Technical University (Minsk, Belarus)
lentsevich@mail.ru

Abstract. The paper analyses E. Lask's philosophy and the unique spiritual and intellectual experience of German, Russian philosophy. A systematic analysis of the importance of E. Lask's philosophy in the formation of the European philosophical tradition has been made. The understanding of the meaning and purpose of the war as a philosophical category is shown, philosophical and epistemological monitoring of the attitude of thinkers to the First World War is also precisely carried out. The inclusion of this problem in the field of research interest gave an opportunity to appreciate and to expose the multidimensional interpretation of values in the modern cultural space.

Keywords: values, European tradition, Russian spirituality, war, historicism, subjectivism, neo-Kantianism, truth, Law.

For citation: Matsevich, M. Ya. (2024). Imperative as a "Trace of Being" in the Fate of Emil Lask. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 2. Pp. 36-44. DOI: 10.47850/RL.2024.5.2.36-44

Убит!.. к чему теперь рыдания...

М. Лермонтов

...Все мы герои и все мы изменники,
Всем, одинаково, верим словам.
Что ж, дорогие мои современники,
Весело вам?

Г. Иванов

Мы постоянно чего-то боимся, боимся огромности жизни, невероятности самого существования. И из этого страха создаем какие-то маленькие знания вокруг себя как защиту, как броню, как оборону. Но истина не может быть просто высказана. Однажды высказанная, она уже перестает быть истиной. И ты уже совершенно не знаешь, как быть в прямом непосредственном отношении с существованием.

Эмиль Ласк – немецкий философ австрийского происхождения – учился во Фрайбурге у Г. Риккерта. Получил степень доктора философии в Гейдельберге под руководством В. Виндельбанда на основе трактата «Философия права» [Ласк, 2012]. Ласк прочитал пробную лекцию под названием «Формализм кантовской этики» 17 декабря 1904 г. В 1908 г. посетил Третий Международный философский конгресс в Гейдельберге и прочитал одну из своих самых важных лекций «Существует ли примат практического разума в логике?» Текст был полемикой с Г. Риккертом, и ответом мэтра на него являлось эссе под названием «Два пути познания».

Весьма слабого здоровья, страдающий тяжелой миопией, сержантом, Эмиль отправился на фронт. Он прекрасно знал, что не сможет стрелять, но чувствовал, что должен быть на войне. Погиб на русском фронте во время Первой мировой войны 26 мая 1915 г.

Ласк – ключевая фигура в европейской философии, но его труды малоизвестны, во многом из-за ранней гибели и постепенного снижения интереса к неокантианству. Также, что постоянно отмечалось современниками: тексты нелегко читать. Труды Ласка систематизировал его ученик Ю. Херригель, издав их в 1923–1924 гг. Философ серьезно повлиял на раннего М. Хайдеггера, а также на Г. Лукача. Ученик Ласка Ю. Херригель широко популяризировал идеи мыслителя в Японии. Вот практически и все, что мы можем узнать из официальных энциклопедических данных, да и то большей частью иностранных. Венгерский философ-марксист А. Фогараш сравнил гибель Ласка с «самоубийством немецкого неокантианского идеализма» [Фогараш, 1924].

Русскоязычному читателю он практически неизвестен. Небольшое внимание данной персоналии уделялось К. С. Бакрадзе, И. А. Михаловым [Бакрадзе, 1973; Михайлов, 1999]. Отдельные места в своей диссертации «Философия как метафизика: И. Кант и баденская школа неокантианства» посвятила Ласку Н. С. Соловьева, сделавшая также перевод его работы [Ласк, 2006]. Автор представленной статьи выступила соавтором перевода «Философии права» Ласка [Ласк, 2012] и уделила ему внимание в своей диссертации. Творчество данного философа и его влияние на последующую философскую традицию было продолжено в Грузии, в частности, Ш. И. Нуцубидзе (Ласк его первый учитель), а позже и К. С. Бакрадзе. «Учение Ласка о ценностях, стоящих выше противоположностей, сблизило

Нуцубидзе с хайдеггеровским пониманием истины, а позже помогло ему увязать свои искания с неоплатонической традицией философии в Грузии. Нуцубидзе считал соотношение Г. Риккерта и Э. Ласка в неокантианской философии аналогичными с отношением теорий Э. Гуссерля и М. Хайдеггера» [Тевзадзе, 1997].

История показывает, что война была частью человеческой жизни с незапамятных времен, несмотря на огромную череду страданий и высокую цену больших потерь в виде смертей, ранений, увечий, беженцев и т. д. Возможно, как предполагают некоторые авторы, война присуща человеческой природе. Из-за своего насильственного характера, огромного воздействия на жизнь людей и общества, война является очевидным источником моральных проблем. Важнейший из этих вопросов: может ли война при каких-либо обстоятельствах быть оправдана или, наоборот, всегда неправильна? Другие важные вопросы заключаются в том, как следует воевать и что делать после окончания войны. Есть три основные теории, пытающиеся ответить на эти вопросы: реализм, пацифизм и теория справедливой войны. В первые дни войны Ласк писал матери: «Это нестерпимо, когда ты не можешь внести свой вклад, пусть даже и самый скромный» [Safranski, 1998, p. 57].

Война не является статичной концепцией. С лингвистической точки зрения термин «война» имеет значения, варьирующиеся от политико-социальной сферы до индивидуальной и моральной. У войны есть своя собственная логика, которую именуют парадоксальной, отличающейся от линейной, формальной, применяемой к обычным ситуациям, поскольку она вызывает объединение и инверсию противоположностей. Предположения, разработанные в соответствии с линейной логикой, менее эффективны, чем расчеты, разработанные на основе интуитивного понимания диалектической логики. Поэтому линейный и статический подходы, согласно которым все решает оружие, являются механистическими и представляют односторонний взгляд на проблему войны, игнорирующий тот факт, что решающим фактором является человек. Адекватное соотношение сил должно учитывать не только военный и экономический потенциал, но и другие аспекты, такие как человеческие ресурсы или моральный дух.

«Эмиль Ласк, юный гений неокантианства, – именно ему, погибшему на втором году войны, Хайдеггер посвятит свою диссертацию, – еще до войны говорил о том, что жернова разума мельют тем лучше, чем меньше в них попадает жизненной материи, и что, следовательно, философская мысль может блистать лишь в том случае, если не соприкасается с неподдающейся однозначному толкованию пестрой тканью жизни. Ласк воспринимал данное свойство философии как ее недостаток и потому через несколько месяцев после начала войны писал с фронта своей матери: “В самом деле это был последний срок, когда мы уже не могли не уйти. Нетерпение достигло предела, а у меня – еще и мучительное ощущение собственной бездеятельности, полной бесполезности всех моих сил в такое время, когда на карту поставлено буквально все и невыносимо сознавать, что ты не принимаешь хотя бы малого участия в происходящем”. Но Хайдеггер, похоже, не жалел о том, что поначалу оказался в стороне от военных событий. Ему не пришлось рисковать жизнью, он мог спокойно работать над своей диссертацией, которая должна была стать первым шагом его научной карьеры, а в остальном, вероятно, разделял всеобщее чувство патриотического воодушевления, распространившееся и в тех католических кругах, где он вращался и к которым принадлежали его ближайшие друзья» [Сафрански, 2002, с. 91-92].

К сожалению, рассмотрение философии Э. Ласка по сей день весьма фрагментарно из-за отсутствия необходимой эмпирической и источниковедческой базы на русском языке. Хотя в Европе Ласку посвящены обширные труды и диссертации. Например, итальянским философом А. Спинелли [Spinelli, 2010] проводится сопоставление философии Э. Ласка с философией выходца из Белоруссии Саламона Маймона. Трудно сказать, по какой причине, но для отечественного читателя персоналия Ласка была несправедливо забыта и «скрыта». Однако еще Г. Риккерт писал о том, что Э. Ласк мог бы создать философскую систему, равную гегелевской. Но этой возможности не суждено было реализоваться.

Ласк упоминается в лекционном курсе, прочитанном Мартином Хайдеггером в 1919 г. «Феноменология и трансцендентальная философия ценностей», а также в 1925 г. в лекционном курсе, прочитанном в Марбургском университете «Пролегомены к истории понятия времени». В автобиографическом эссе «Мой путь в феноменологию» М. Хайдеггер вспоминает, как Риккерт посвятил «дорогому другу» вышедшее в том же году третье, полностью переработанное издание труда «Предмет познания. Введение в трансцендентальную философию». Посвящение должно было одновременно означать влияние ученика на учителя. Там же Хайдеггер упоминает о непосредственном и опосредованном влиянии философии Ласка на свое творчество, а именно новой проработке им произведений Гуссерля.

Отдельного подробного исследования требует влияние творчества Эмиля Ласка на русскую философию. Ибо практически вся русская философия несет на себе аксиологическую нагрузку.

Ниже мною приводятся выдержки из писем русского философа Федора Степуна с фронта. «В часовне все было неимоверно странно и спутано. Война с немцами. Немцами убитый полунемец Вильзар ... Это у нас! А там, у немцев, убит Ласк. Это ужасная, в сфере философии, быть может, мировая потеря ...?» [Степун, 2000]. К сожалению, объем статьи не позволяет полностью передать глубину письма и трагедии, пережитой Степуном. В письмах даются удивительно проникновенные характеристики Ласка как человека и преподавателя.

Около 1900 г. многие философы почувствовали, что общество смягчилось. Настало время великой чистки, нового героизма. Они с энтузиазмом отреагировали, когда разразилась Первая мировая война. Война была почти метафизическим пробуждением от пустого существования, «свинцового сна». Такими словами немецкий философ Макс Шелер приветствовал начало войны осенью 1914 г. Что поражает, так это лирический тон, который принимала в те годы дискуссия. Это резко контрастирует с метафорой, порожденной этим конфликтом в дальнейшем, – «мясорубка», через которую в конечном итоге прошли миллионы людей.

«Быть может, такую смертью умер Ласк, Грацианов; быть может, такую смертью умру и я. Я пишу тебе все это и бесконечно удивляюсь тому, каким образом мне только грустно; почему я не бьюсь головою о стену, почему я еще не сошел с ума, и больше: я удивляюсь тому, почему мне не только «только грустно», но и «только грустно» далеко не всегда <...>. Да, бесконечно широк диапазон души человеческой. Впрочем, все радости наши, конечно, крайне хрупки. Весело, весело, а вдруг – вдруг так и глянет на тебя “Оно” ...» [Степун, 2000].

Теолог М. Бубер считал ту войну «началом нового духа времени». Война как прекрасная возможность начать с чистого листа. Идея не была совсем новой. С самого зарождения философии война рассматривалась как производительная сила. По мнению поразительно большого числа философов, война должна была выполнять эту функцию. Спор шел примерно по двум разным направлениям. Прежде всего, поле битвы считалось местом свершения великих дел. Солдат стал «фотонегативом» дремлющего гражданина, для которого Ф. Ницше придумал термин «последний человек». В книге «Так говорил Заратустра» этот персонаж фактически являлся олицетворением плоского материализма, довлеющего над обществом. В целом оставалось неясным, как должен выглядеть социальный порядок. Но отвращение к правящему порядку было велико; этого было достаточно, чтобы уничтожить его. Когда разразилась «Великая война», философы наконец-то получили финальную битву, на которую так долго намекали.

«Весь мир заметно притаился и затих. Все предметы вошли в какую-то свою раковину: все они потеряли свою форму и тем самым схоронили свою душу ... А в глазах все рябил да рябил ниспадающий снег. “Все течет, все проходит”, вспоминался мне Гераклит; с ним вместе вспоминался Фрейбург, “Логос”, Мелис, Кронер и наш прекрасный юный энтузиазм дружбы и философии. Где же вся эта молодая, святая красота! Как быстро, как ужасно быстро во зле состарился мир. Какой страшный памятник этому злу и этой старости, такая злосчастная, такая преждевременная смерть, быть может, гениального Ласка» [Степун, 2000].

Творчество Ласка сыграло большую роль в культурной жизни России того времени.

«Дорогой друг! Не беспокойтесь насчет австрийского прошения, я сформулирую его и перешлю Вам завтра или послезавтра, чтобы Вы могли его скопировать. С сердечным приветом – Ваш Эмиль Ласк», – так он писал Богдану Александровичу Кистяковскому [Василенко, 1994].

В «Основах педагогики» (главы VIII–XIV) о Ласке вспоминал С. И. Гессен. Он подробно описывал, как благодаря учителю вошел в круг философов школы Риккерта, и Ласк всегда по отношению к своему ученику был не только наставником, но прежде всего другом. Все те противоречия, которые Ласк старался разрешить путем противопоставления бытия и долженствования, бытия и значимости, С. И. Гессен и Г. Д. Гурвич развивали в учении о личности. У С. И. Гессена в «Основах педагогики», кроме физического и психического царств, выделялось еще трансцендентальное царство ценностей и смысла. В человеке постоянно живет сила свободы «автономии духа». Однако эта свобода не есть изначальная ценность, она растет, развивается постепенно. Неизменны и важны не сами истины или ценности, а путь их нахождения. Рассмотрение проблемы «значимости» в контексте философии Ласка интересовало и Н. А. Бердяева [Бердяев, 1989, с. 88]. С точки зрения аксиологии особенно интересны и методические замечания Г. Г. Шпета. Для него «отнесение к ценности» было либо подведением под понятие, либо просто оценкой. Он обвинял баденцев в релятивизме, морализме. «Понятие ценности? Не нравится мне оно. У Г. Риккерта оно двойного происхождения: от фихтеанизирующего кантианства и от Г. Лотце. Но в то время как в первом источнике оно ведет к субъективизму, во втором оно должно вывести из субъективизма, – там оно вопрос “нормы”, примата практического разума, здесь оно, в конечном итоге, вопрос особого бытия идеального предмета» [Митюшкин, 1988, с. 124].

На основании философии И. Канта и в дальнейшем неокантианства в Германии сложилась традиция историзма, целью которой являлось установление научного статуса для оправдания практики истории. Историзм был не мировоззрением или спекулятивной философией истории, а эпистемологией науки истории. Историзм стал представлять единую, последовательную и непрерывную интеллектуальную традицию. Насколько велики различия между В. фон Гумбольдтом, В. Виндельбаном и Э. Ласком не столь важно. В результате появилась неподдельная история немецкого духа, кульминацией которой являлся Г. Зиммель – самый современный и радикальный из всех мыслителей в историцистской традиции, и М. Вебер, у которого историзм нашел свое окончательное осуществление. Более детальное понимание историзма впоследствии получил в юриспруденции. В 1914 г. Г. Радбрух использовал понятие историзма в «ласковском» смысле в первом издании своего «Основного положения философии права».

Э. Ласк находился между «систематиком» Риккертом и «историком» Виндельбаном, хотя был больше систематиком из риккертовской традиции, чем историк философии, такой, как Виндельбанд. Его концепция абсолютной правовой ценности реализуется в историко-позитивном праве, как промежуточное положение между теорией естественного права, игнорирующей историчность права, и историзмом, не признающим ценностный субстрат права. Однако философия права являлась лишь введением в дальнейшие исследования Ласка.

С 31 августа по 5 сентября 1908 г. в Гейдельберге проходил Третий философский конгресс, на котором Эмиль Ласк выступил со своей знаменитой лекцией. Лекция была важна для неокантианства Баденской школы, поскольку побудила Г. Риккерта провести различие между двумя путями эпистемологии: трансцендентально-психологическим и трансцендентально-логическим. Г. Риккерт написал текст о двух путях эпистемологии в 1909 г. и позже опубликовал его в предисловии к третьему изданию книги «Предмет познания» в 1915 г. Приоритет практического разума, берущий свое начало у Г. Фихте, создал определенные сложности, на которые обратил внимание Ласк. Таким образом, мыслитель следовал логике философии как области, которая должна быть исследованием теории познания, что важно, поскольку для большинства, кто не приравнивал логику к философии Канта, путь Ласка был почти непонятен.

В своих работах Э. Ласк показал, что «коперниканский переворот» И. Канта представлял собой поворотный момент в общем развитии теоретической философии и логики. Благодаря революционным достижениям Канта теоретическое как таковое получило совершенно иную позицию в общей картине философии. Место «долженствования» заняла «действительность». Это не меняет того факта, что основной проблемой являлась априорная проблема, т. е. теория категорий и ее обоснованность. Справедливо отметить, что в философии Ласка можно обнаружить возвращение к классическому понятию истины. Характерно, что затем это возвращение прочитывалось и в работах М. Хайдеггера.

Ласк переосмыслил теорию двух миров, подчеркнув, что эта теория, т. е. различие между сферой бытия и сферой действительности, недействительна и, следовательно, преобразована в «теорию очищенного двойственного объекта». Философ был убежден,

что теорию двух миров следует отличать от теории двух элементов и теории двух предметов. Ибо бытие не основано на чем-то другом, оно не сводится к действительности или норме, как это было в концепциях его предшественников.

Список литературы / References

Бакрадзе, К. С. (1973). *Избранные философские труды*. В 4-х т. Т. 3. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета. 390 с.

Bakradze, K. S. (1973). *Selected philosophical works*. In 4 vols. Vol. 3. Tbilisi. 390 p. (In Russ.)

Бердяев, Н. А. (1989). *Смысл творчества*. М.: Изд-во «Правда». 608 с.

Berdyayev, N. A. (1989). *The meaning of creativity*. Moscow. 608 p. (In Russ.)

Василенко, Н. П. (1994). Академик Богдан Александрович Кистьяковский. *Социологические исследования*. № 2. С. 139-154.

Vasilenko, N. P. (1994). Academician Bogdan Alexandrovich Kistyakovsky. *Sociological research*. No. 2. Pp. 139-154. (In Russ.)

Ласк, Э. (2006). Учение о суждении. Введение. Пер. с нем. Н. С. Соловьевой. *Историко-философский ежегодник – 2005: сборник научных трудов*. Отв. ред. Р. А. Бурханов. Екатеринбург. С. 141-157.

Lask, E. (2006). The doctrine of judgment. Introduction. Solovyova, N. S. (transl.). In Burkhanov, P. A. (ed.). *Historical and Philosophical Yearbook – 2005*. Yekaterinburg. Pp. 141-157. (In Russ.)

Ласк, Э. (2012). Философия права. Пер. с нем. И. Я. Мацевич, М. Я. Мацевич. *Топос*. № 3. С. 79-117.

Lask, E. (2012). Philosophy of Law. Matsevich, I. J., Matsevich, M. J. (transl.). *Topos*. No. 3. Pp. 79-117. (In Russ.)

Митюшкин, А. А. (1988). Из архива Г. Шпета. Вопросы истории познания и полемики с Баденской школой. Г. Шпет – Д. Петрушевскому. *Вопросы истории естествознания и техники*. № 3. С. 114-120.

Mityushkin, A. A. (1988). From the archive of G. Shpet. Questions of the history of knowledge and polemics with the Baden school. G. Shpet – To D. Petrushevsky. *Questions of the history of natural science and technology*. No. 3. Pp. 114-120. (In Russ.)

Михайлов, И. А. (1999). *Ранний Хайдеггер: между феноменологией и философией жизни*. М.: Прогресс-Традиция; Дом интеллектуальной книги. 284 с.

Mikhailov, I. A. (1999). *Early Heidegger: Between Phenomenology and Philosophy of Life*. Moscow. 284 p. (In Russ.)

Сафрански, Р. (2002). *Хайдеггер: германский мастер и его время*. Пер. с нем. Т. А. Баскаковой при участии В. А. Брун-Цехового. Вступ. ст. В. В. Бибикина. М.: Мол. Гвардия. 614 с.

Safransky, R. (2002). *Heidegger: the German master and his time*. Baskakova, T. A., Brun-Tsekhovoy, V. A. (transl.); Bibikhin, V. V. (introduction. art.). Moscow. 614 p. (In Russ.)

Степун, Ф. А. (Н. Лугин). (2000). К матери. 28-го октября 1915 г. К жене. 14 октября 1915 г. Лесничество «Бли». К жене. 16-го октября. [Электронный ресурс]. *Из писем прапорщика-артиллериста*. Томск: Изд-во «Водолей». 192 с.
URL: <http://militera.lib.ru/db/stepun/02.html> (дата обращения: 9.01.2024).

Stepun, F. A. (N. Lugin). (2000). To my mother. On October 28, 1915. To my wife. October 14, 1915. Forestry "Bli". To my wife. October 16th. [Online]. *From the letters of the ensign-gunner*. Tomsk. 192 p. Available at: <http://militera.lib.ru/db/stepun/02.html> (Accessed: 9.01.2024). (In Russ.)

Тевзадзе, Г. В. (1997). Мартин Хайдеггер и философия в Грузии. *Мартин Хайдеггер и философия XX века: Сборник докладов*. Минск: Менск. С. 8-16.

Tevzadze, G. V. (1997). Martin Heidegger and Philosophy in Georgia. *Martin Heidegger and the philosophy of the twentieth century*. Minsk. Pp. 8-16. (In Russ.)

Фогараша, А. (1924). Эмиль Ласк и разложение неокантианского идеализма. *Вестник Коммунистической академии*. Кн. VIII. С. 305-331.

Fogarashi, A. (1924). Emile Lask and the decomposition of Neo-Kantian idealism. *Bulletin of the Socialist Academy*. Book VIII. Pp. 305-331. (In Russ.)

Spinelli, A. (2010). *Vita, teoria e valore nel pensiero di emil lask (Leben, Theorie und Wert in Emil Lasks Denken)*. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie der Fakultät für Philosophie und Geschichte der Eberhard Karls Universität Tübingen. 261 p.

Сведения об авторе / Information about the author

Мацевич Мария Янушевна – кандидат философских наук, доцент кафедры экономики и управления инновационными проектами в промышленности Белорусского национального технического университета, Минск, пр. Независимости, 67 (Республика Беларусь), e-mail: lentsevich@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0975-6175>

Статья поступила в редакцию: 15.04.2024

После доработки: 20.05.2024

Принята к публикации: 03.06.2024

Matsevich Maryia Janushevna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management of Innovative Projects in Industry of the Belarusian National Technical University, 67, Independence Ave., Minsk, Republic Belarus, e-mail: lentsevich@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0975-6175>

The paper was submitted: 15.04.2024

Received after reworking: 20.05.2024

Accepted for publication: 03.06.2024